

Учитывая размеры кареты, даже если бы внутри поместили ещё одну кровать, место бы ещё осталось. Лю Сяньань никогда не видел настолько огромных экипажей, поэтому поднялся внутрь, чтобы осмотреться. Да, она была старой — но в её потертом интерьере угадывалась искренняя попытка «сделать хоть что-то похожее на новое». Видно было, что Ши-дажэнь действительно приложил все усилия, несмотря на ограниченные ресурсы.

А-Нин подошёл, сжимая в руках поклажу:

— Над чем улыбается молодой господин?

Лю Сяньань не улыбался чему-то конкретному. Прото от этой кареты он почувствовал, насколько Его Высочество Сяо-ван ценит их дружбу. Затем ему вспомнились строки поэтов, воспевающие дружеские узы. Например: «Сколько раз в жизни можно от души смеяться? При первой встрече за вином — пей до опьянения!» [1]

Или вот ещё: «Встретившись, пьём в едином порыве веселья, конь привязан к иве у дверей харчевни» [2]. Все эти прекрасные, благородные сцены размывали горечь прощания, облагораживая её поэзией. Сидя в мягкой карете, он принялся обдумывать, где именно в Байхэ можно найти хорошее вино для опьяняющей встречи.

Сборы кареты и лошадей заняли время, и Лю Сяньань, чтобы не скучать в ожидании, взял А-Нина поведать Сяо Таохуа. Та поправлялась прекрасно — сидела во дворе, грелась на солнце и помогала матери разбирать шёлковые нити. Увидев Лю Сяньаня в дверях, она так обрадовалась, что уронила корзинку и вскочила:

— Чудо-доктор Лю!

Тщательно окрашенные матерью Таохуа нитки снова превратились в хаотичную грудку. Та с улыбкой отругала дочь, затем поспешила на кухню за чаем и жареной курицей — только что из котла. Стражи из резиденции Сяо-вана следовали за ними вдалеке. Увидев, как Таохуа буквально клонится в сторону Лю Сяньаня, улыбаясь до такой степени, что её круглые глазки стали похожи на полумесяцы, они не смогли сдержать вздоха. Хорошо, что Второй молодой господин Лю обычно не любил выходить из дома. Иначе, возмись он усердно разъезжать верхом с востока на запад — и ни четырёхлетние младенцы, ни сорокалетние тётушки не смогли бы устоять. Для остальных людей просто не осталось бы шансов.

Однако на самом деле Таохуа мечтала не о замужестве с красавцем, а обсуждала изучение медицины.

— Ты хочешь стать врачом в будущем? Это прекрасно! — А-Нин улыбнулся. — У Медицинского центра Байхэ есть отделение в Чанъани, и через три месяца там будет отбор. Набирают подростков твоего возраста. Если подашь заявку, будет шанс попасть туда. Но учиться на врача очень тяжело.

— Я не боюсь трудностей, — сказала Таохуа. — Я хочу лечить людей и спасать жизни, как Чудо-доктор Лю и брат А-Нин.

Лю Сяньань считал, что он на самом деле не врач, тем более не «чудо-доктор», но поправлять её не стал — лень было объяснять. В конце концов, титулы — суета. Назовут его «Чудо-доктором, спасающим человечество» или «Кровожадным демоном» — какая разница?

О процедуре отбора в Медицинский центр Байхэ он не знал ровно ничего, да и вообще услышал о её существовании только сейчас из уст А-Нина. С такими познаниями помочь Таохуа он явно не мог, поэтому всё легло на плечи А-Нина. А Второй молодой господин Лю снова погрузился в грёзы. Он достал в воображении огромный, безграничный лист бумаги и задумал нарисовать замок таких же масштабов — чтобы потом преподнести Его Высочеству Сяо-вану.

Исчерпав всю свою необузданную фантазию, он сделал первый тщательный мазок. Вслед за его движением с неба посыпались золотые кирпичи и яшмовые плиты, складываясь в идеальную кладку. Высокий купол преградил путь птицам, густой аромат разлился по земле, а драконы ныряли и кружили вокруг колонн. Этот роскошный дворец был возведён далеко на вершине горы, а внутри находился огромный горячий источник, подобный безбрежному морю. Если Его Высочество Сяо-ван пожелает, он сможет купаться там вместе с Кунь или плавать в компании Пэн [3].

Лю Сяньань остался доволен этим проектом. Сложив руки за спину, он уже собрался сделать первые шаги, как вдруг в ушах раздался оглушительный звук!

— Чудо-доктор Лю!

А-Нин мгновенно вскочил, расставив руки пошире, чтобы прикрыть молодого господина:

— Ты кто такая?!

Стражи резиденции Сяо-вана тоже бросились вперёд.

— Чудо-доктор Лю! — Пришедшей оказалась женщиной лет двадцати с лишним, державшей на руках младенца. Она упала на колени, рыдая: — Умоляю, поднимите вашу высокую руку и дайте моему брату и мужу шанс выжить!

Лю Сяньань только что вернулся из своего дворца в реальный мир, когда услышал эту фразу, и не сразу понял её смысл. Ему казалось, что его рука явно не лежит на головах родственников этой женщины, чтобы её «поднимать», поэтому он велел А-Нину помочь ей подняться.

Таохуа принесла женщине табурет. Видя, что Лю Сяньань выглядит растерянным, она тихо объяснила:— Её муж и брат тоже лечились от отравления гу на горе Дакань. Их зовут Сун Ма и Чжоу Юйцян. Но потом, по какой-то причине, еще до полного излечения, солдаты спустили их

с горы и отправили в тюрьму. А последние два дня я слышала, что их перевели в каменоломню на каторжные работы.

Сун Ма и Чжоу Юйцянь. А-Нин вспомнил эти имена и сказал Лю Сяньаню:

— Молодой господин, это те самые ухмыляющиеся хулиганы, что следили за нами у горячих источников. Я тогда удивлялся, куда они пропали, и спрашивал брата Цю, но он сказал, что не в курсе.

Лю Сяньань посмотрел на стражников Сяо-вана.

Один из них прошептал:

— Это был приказ князя.

Женщина не переставала рыдать. Она и не надеялась, что власти отпустят мужчин с каторги — но умоляла хотя бы извлечь из них гу, иначе они не протянут и трёх месяцев.

Стражник шагнул вперёд:

— Молодой господин, прикажете отправить её обратно в управу?

Лю Сяньань поднялся.

Увидев, что он собрался уходить, женщина внезапно заволновалась. Возможно, от отчаяния, а может, от гнева, она крикнула:

— В глазах князей и чудо-докторов жизнь простолюдинов и вправду дешевле муравьиной?

Лю Сяньань не обернулся. Он лишь переступил порог и сказал А-Нину:

— Возьми двух учеников с горы Дакань и отправляйся в каменоломню — извлеки гу из тех людей.

А-Нин кивнул и побежал в управу искать помощников.

Стражи резиденции Сяо-вана переглянулись, не понимая настроения Лю Сяньаня. Но, решив, что врач по натуре добр и не выносит кровавых расправ, попытались оправдать князя:

— На поле боя жизнь военного лекаря равна жизням сотен тысяч солдат, и все глубоко чтят

их. Второй молодой господин Лю для Чися — то же, что военный врач для Северо-Западного лагеря. Эти люди осмелились насмеяться над вами. Будь они в армии, их бы казнили по законам военного времени, не дав даже шанса отправиться на каторгу.

— Вид этой женщины был поистине жалок, — Лю Сяньань шёл медленно. — Раз она умоляла меня, я помогу. Но вот станет ли ей лучше или хуже, от того, что я спасу ее мужа и брата, остаётся только гадать. Думаю, скорее последнее.

— Почему вы так считаете? - спросил один из стражников.

— На её лице, руках и шее старые шрамы, — ответил Лю Сяньань. — Разные по цвету, значит, били её не раз.

Стражник покачал головой:— Какой смысл спасать такого человека? Правильнее было бы палить хлопушки в честь такого события.

— У каждого свои желания, — Лю Сяньань устремил взгляд в белые облака. — Она считает это лучшим исходом — значит, для неё так оно и есть. Нужно передать серебро этой вдове с сиротой.

Стражник достал серебряный лян и бросил его матери Таохуа, жестом веля передать женщине.

Лю Сяньань поспешно добавил:

— Я имел в виду, что А-Нин доставит его позже.

— Второй молодой господин Лю, не стоит церемоний, — сказал стражник. — Князь приказал: всё, что потребуется молодому господину в пути, резиденция Сяо-вана оплатит.

Лю Сяньань: «.....Ну и ладно».

После полудня Ши Ханьхай лично проводил их за городские ворота.

Из-за размеров кареты пришлось отказаться от горной тропы и двигаться по большому тракту, делая крюк. Второго молодого господина Лю это несколько не беспокоило — в конце концов, он мог лежать и дома, и в карете. Хотя во втором случае действительно было больше тряски и выше риск заполучить боль в спине, зато здесь не было отца с палкой, то и дело готового отколотить. Сравнив оба варианта, он решил, что боль в спине всё же предпочтительнее.

Завернувшись в одеяло, он с комфортом перевернулся на бок и продолжил спать.

Спал он всю дорогу, вплоть до самого возвращения в Байхэ.

В деревне всё оставалось по-прежнему. Лю Фушу взял Первого молодого господина Лю с собой на практику в другую местность, прочие двоюродные братья тоже отсутствовали. Лишь Лю-фужэнь и Лю Наньюань встретили его сияющими улыбками и тут же принялись осматривать. Что ж, не похудел, даже кажется крепче ствал.

— А где же люди, что сопровождали тебя? - спросила, огляываясь, Лю-фужэнь - Почему не пригласил их отдохнуть?

А-Нин предлагал как минимум трижды, но те твердили, что им нужно без промедления спешить на соединение с Его Высочеством Сяо-ваном, поэтому, разгрузив поклажу, сразу же уехали.

— Ничего страшного, — Лю Сяньань потянулся и направился к своему павильону у воды. — Когда князь разберётся с текущими делами, он снова приедет в деревню Байхэ. Вот тогда и пригласим их отдохнуть за вином.

— Погоди-ка! — Лю Наньюань схватила его за рукав. — Разве ты не говорил, что князь не хочет на мне жениться? Зачем же ему снова сюда приезжать?

— Не волнуйся, дело не в женитьбе, — Лю Сяньань высвободил рукав и таинственно потрепал сестру по голове.

— Может, на брата навели порчу? -повернувшись к матери, спросила Лю Наньюань, проводив взглядом его невозмутимо удаляющуюся спину.

Лю-фужэнь: «.....А-Нин!»

Слуга, уже собиравшийся натирать ноги маслом, вынужден был выпрямиться во весь рост:— Ась!

Он остался на месте и, следуя указаниям Лю Сяньаня, рассказал обо всём, что произошло за время поездки. В общем-то ничего особенного — просто отправились с Его Высочеством Сяо-ваном в Чися. Там случайно случилось бедствие с гу, вот молодой господин и вызвал больше сотни учеников из медицинского центра Чанъани для лечения, и болезнь исчезла.

Лю-фужэнь возмутилась:

— Кто тебя спрашивал про гу! Я спрашиваю, почему князь вдруг отказался от брака с А-Юань. Как Сяньань его уговорил?

— Да особо и не уговаривал, — сказал А-Нин. — Молодой господин просто упомянул, что в княжеском дворце наверняка много красавиц, а наша третья молодая госпожа слишком шумная. Князь не любит суеты. Он ведь даже отказал принцессе царства Фэй, потому что та, по его мнению, слишком громкая.

— Ладно, и на том спасибо, — Лю-фужэнь успокоилась и отпустила слугу.

А-Нин вернулся в павильон и, увидев, что молодой господин снова лёг, растормошил его:

— Всё рассказал, как мы и договаривались.

— Отлично. - зевнул Лю Сяньань.

Слуга присел на пол рядом:

— Но вот чего я не понимаю, молодой господин — почему вы не сказали, что тоже вылечили многих людей и даже обнаружили яд? Хозяин, госпожа и Первый молодой господин были бы очень рады, узнай они правду.

— Потому что это хлопотно, — Лю Сяньань прикрыл глаза. — Пришлось бы объяснять кучу вещей, которые они всё равно не поймут, а отвечать на все их вопросы — утомительно.

А-Нин подпер щёки и вздохнул:

— Ну ладно, но мне всё равно кажется, что зря вы так.

Лю Сяньань не видел повода для сожалений.

— Пошли.

— Пошли? — А-Нин недоумевал. — Мы же только вернулись, куда теперь?

Лю Сяньань взял со стола нефритовый веер, щёлкнул им и бодро объявил:

— За хорошим вином.

Примечания:

[1] Строка из стихотворения Цэнь Шэня эпохи Тан.

[2] Цитата из цикла «Четыре стихотворения о молодости» Ван Вэя эпохи Тан.

[3] Пэн (鵩) — мифическая исполинская птица из «Чжуан-цзы»

<http://bllate.org/book/14628/1297865>